Вспоминается почти сюрреалистическая картина: пустой театральный зал, гулко звучащие актерские голоса. Спектакль, идущий для нескольких корректно одетых в похожие костюмы людей с похожими незапоминающимися лицами... И затем — томительное ожидание приговора: может ли быть показана постановка «на роду»?

Люди, имена многих из которых я успел забыть, решали нашу судьбу, «принимая» спектакль по долгу своей ответственной службы. Но и они не были всеисильны. Иногда «сверх» раздавался телефонный звонок, и до полудневшего директора доводилось «мгновение»: спектакль идти не может. И он не шел. Постепенно забывались роли, гибли в театральном дворе декорации, списывались в макулатуру программки и афиши.

Так осуществлялся казавшийся неизбежным приезд «руководства театральным искусством». Так растлевалась и мельчала культура. А для истории оставались желтеющие подшивки газет, где услужливые перья особо доверенных критиков, а то и собранные по сцене, объясняли негодующими словами, в чем заключается очередная идеологическая ошибка.

Только сейчас мы начинаем приходить к осведомлению: театр — земля суверенная, и никто не вправе вмешиваться в его жизнь, диктовать условия бытия. Оценивать спектакль — да, спорить и доказывать — безусловно, но пытаться навязать художникам ведомственные задачи или чью-то групповую волю — нет и еще раз нет!

Зачем я говорю об этом сегодня, когда открытого диктата вроде бы нет, а попытки административных запретов кажутся диктостью дане консерваторам? Все так, но вестя, приходящие из разных городов России, вызывают растущую тревогу. Те-

ряя власть, утрачивая возможность называть художникам свою волю, превращая театр в рупор отживающих идей, люди и структуры вчерашнего дня ищут и порой находят пути разрушения, уничтожения талантливых и независимых художников. И средства для этого находят — изощренные, безнравственные, циничные.

Многие годы Орловский театр имени И. С. Тургенева, один

из старейших в России, находился в состоянии стабильного творческого зстоя. Но когда главным режиссером был приглашен Б. Н. Голубицкий, человек сравнительно молодой, но обладающий солидным опытом и ярким дарованием, результат превзошел самые смелые ожидания: в театре складывался интересный творческий коллектив, репертуар пополнялся спектаклями по лучшим произведениям русской классики. Пришло и признание. О театре заговорила пресса, им заинтересовались радио и телевидение. Министрство культуры и Союз театральных деятелей РСФСР сочли возможным именно в Орле провести в 1990 году фестиваль «Лучшие спектакли России». Спектакль орловского театра «Дым» по роману И. С. Тургенева стал одним из лауреатов фестиваля, и вовсе не из вежливости, а по праву таланта.

Непросто складывались взаимоотношения театра со зрителем, отученными годами безрежиссерья от серьезного репертуара. Зритель требовал комедий, зрительно-политических шлагеров, но театр стоял на своем: только высокое искусство. Первой в театр стала возвращаться интеллигенция. За ней потянулись молодежь. Уверен — режиссер и коллектив могли бы победить. Но именно в это время театру был нанесен неожиданный и расчелный удар. В молодежном еженедельнике «Поколение» в октябре минувшего года появляется статья артиста театра Вла-

димира Фролова: «Проснись, артист!».

Странное впечатление производит эта статья. Вначале автор высказывает абсолютно верные и выстраданные слова о театральном искусстве, судьбе артиста, благодарит прежних режиссеров и Б. Голубицкого за собственные «интереснейшие центральные роли в спектаклях». Но дальше В. Фролов резко меняет тон и практически смешивает с грязью всю работу театра. Во всех бедах, реальных и вымышленных, актер винит главного режиссера. При этом доказательствами он себя не обременяет, мало того, оканзывается «интереснейшие центральные роли» Д. Фролов сыграл в спектаклях отратительнейшим, где торжествует «бездуховность, цинизм и сальность».

Все бы ничего, артисты — люди эмоциональные, личные обиды часто вырастают у нас до уровня вселенной драмы. Но В. Фролов не ограничился обвинениями в адрес творческой программы и деятельности Б. Голубицкого как руководителя театра. Знакомым глумливым духом повеяло, когда автор заговорил в статье об отсутствии

в театре «русской речи» и заметил в эстетике режиссера «местечковость». К чести художественного совета театра и правления Орловской организации СТД, они отреагировали на эти высказывания немедленно. Понимая, что глззый вирус грозит погубить нравственную атмосферу театра, они совместным решением признали, что В. А. Фролов «грубо нарушил этические нормы и традиции русского советского сцениче-

ского искусства», и вынеси ему общественное порицание. Казалось бы, остановись, одумайся! Но не тут-то было. Пять месяцев спустя теперь уже газета «Орловская правда» печатает отчет об объединенном пленуме обкома КПСС и контрольной комиссии областной парторганизации, где бережно и подробно изложено выступление секретаря партийной организации театра В. А. Фролова. Куда девались слезы о притесненных актерах! Оратор обвинил Б. Голубицкого прежде всего в дискредитации коммунистической партии и развале партийной организации театра. Повзаял ледяным востром 37-го года, а язык В. Фролова обрел чеканную законченность допоса. Выяснилось, что усилиями режиссера и его подручных «в театре деформировано коммунистическое сознание», а «горстка коммунистов» подвергается «беспоощадному террору, который позволяет вспомнить самые черные времена большевистского подполья». С возмущением говорит оратор о том,

что его вместе с этой «горсткой» посмели осуждать «беспартийные лидеры» местной организации СТД.

В своем выступлении на пленуме обкома В. Фролов горько сетовал и на то, что деятельность Б. Голубицкого «попустительствует коммунист Рябцев Н. Т., которому партия доверила руководство культурой Орловской области». И невдомек артисту, что с отменой 6-й статьи Конституции СССР пар-

Управления культуры и организации СТД (ото всех сразу!), патетически вопрошал: «Чем же вызвана такая административная немилость к талантливому артисту? Не тем ли, что он — русский?»

— Не берусь судить о В. Фролове и коллективе газеты «Вешние воды», но не могу и не стану подозревать Орловский обком КПСС в антисемитизме. Подробность цитирования и отсутствие резкой и определенной оценки высказываний артиста на пленуме, хочется верить, — не позиция обкома, а оплошность работников его аппарата.

Выступления прессы, как и в печально памятные былые годы, полпели за собой письма зрителей, вставших на защиту актера, даже не догадываясь о реальной ситуации в театре. Знакомая логика: «Соженившись на я не читал, но позицию его осуждаю»... Именно это напомнили мне подборки зрительских писем. И здесь — не нормальное желание помочь гонимому, а поддержка гонителей, хотя авторы откинов вряд ли думали об этом. Манипуляция общественным сознанием — до боли знакомый прием, безнравственный, но бьющий в цель...

Трудно поверить, что все эти речения, выдержанные в давно уже забытой лексике прошедших годов, принадлежат артисту театра, произносившему со сцены строки А. Н. Островского, И. С. Тургенева, И. Р. Эрмана. В каждой фразе — страшная тоска по времени, когда выступление на пленуме навсегда решило жизнь и судьбу неугодного человека. И вновь — знакомый аромат, бережно впечатанный в текст отчета: спектакли Б. Голубицкого «антипатриотичны», они «кнество изоброщают русских людей в неприглядном, отталкивающем виде, оглушенными, примитивными... Достаточно, пожалуй?

В. Фролова и газету «Орловская правда» услышали, поддержали друзья и соратники: издаваемая в Орле газета Союза писателей России «Вешние воды» поместила заметку Виктора Дрошикова «Два письма из многих», где автор, защищая актера от руководства театра,

«Вспоминается почти сюрреалистическая картина: пустой театральный зал, гулко звучащие актерские голоса. Спектакль, идущий для нескольких корректно одетых в похожие костюмы людей с похожими незапоминающимися лицами... И затем — томительное ожидание приговора: может ли быть показана постановка «на роду»?»

Люди, имена многих из которых я успел забыть, решали нашу судьбу, «принимая» спектакль по долгу своей ответственной службы. Но и они не были всеисильны. Иногда «сверх» раздавался телефонный звонок, и до полудневшего директора доводилось «мгновение»: спектакль идти не может. И он не шел. Постепенно забывались роли, гибли в театральном дворе декорации, списывались в макулатуру программки и афиши.

Так осуществлялся казавшийся неизбежным приезд «руководства театральным искусством». Так растлевалась и мельчала культура. А для истории оставались желтеющие подшивки газет, где услужливые перья особо доверенных критиков, а то и собранные по сцене, объясняли негодующими словами, в чем заключается очередная идеологическая ошибка.

Только сейчас мы начинаем приходить к осведомлению: театр — земля суверенная, и никто не вправе вмешиваться в его жизнь, диктовать условия бытия. Оценивать спектакль — да, спорить и доказывать — безусловно, но пытаться навязать художникам ведомственные задачи или чью-то групповую волю — нет и еще раз нет!

Зачем я говорю об этом сегодня, когда открытого диктата вроде бы нет, а попытки административных запретов кажутся диктостью дане консерваторам? Все так, но вестя, приходящие из разных городов России, вызывают растущую тревогу. Те-

Михаил УЛЬЯНОВ,
председатель правления
Союза театральных деятелей России.

Письмо в редакцию

ДО БОЛИ ЗНАКОМЫЙ ПРИЕМ

из старейших в России, находился в состоянии стабильного творческого зстоя. Но когда главным режиссером был приглашен Б. Н. Голубицкий, человек сравнительно молодой, но обладающий солидным опытом и ярким дарованием, результат превзошел самые смелые ожидания: в театре складывался интересный творческий коллектив, репертуар пополнялся спектаклями по лучшим произведениям русской классики. Пришло и признание. О театре заговорила пресса, им заинтересовались радио и телевидение. Министрство культуры и Союз театральных деятелей РСФСР сочли возможным именно в Орле провести в 1990 году фестиваль «Лучшие спектакли России». Спектакль орловского театра «Дым» по роману И. С. Тургенева стал одним из лауреатов фестиваля, и вовсе не из вежливости, а по праву таланта.

Непросто складывались взаимоотношения театра со зрителем, отученными годами безрежиссерья от серьезного репертуара. Зритель требовал комедий, зрительно-политических